

содержание. — 1991 (45) дек. — с. 10

Эльдар Рязанов:

«Время действия — закат коммунизма»

Паровоз разогнался и... взлетел. Но что это: вслед за ним от земли оторвалась и стая собак. Символ? Может быть. Но совпадение финала нового фильма Эльдара Рязанова «Небеса обетованные» с недавними событиями в конце августа — явное пророчество. И полковник, перешедший на сторону народа, и раздавленный танком автомобиль, и разгон защитников поселка войсками — не много ли для одного фильма?

В Д Е С Я Т К У

— Эльдар Александрович, вы случайно не были девятым членом ГКЧП, уж больно похож финал вашего фильма «Небеса обетованные» на сценарий, к счастью, неудавшегося переворота?

— Вы знаете, мне довелось даже слышать, что я был не просто членом ГКЧП, а сам организовал этот путч, чтобы обеспечить хорошую прокатную судьбу картины... Однако политические совпадения не были для меня главными, когда я делал фильм. Лента про то, как худо мы живем, как, несмотря на тоталитаризм, герои картины сумели сохранить живую душу. Хотя герои весьма неоднозначны: по одному действительно плачет тюрьма, по другому — больница, по третьему — психушка, они все не ангелы, но тем не менее это живые люди, которых не удалось раздавить.

— Название фильма «Небеса обетованные» — это мечта о всеобщем счастье или издевка над нашей страной? А может быть, трупы Заката коммунизма, в которых живут герои фильма, и являются небесами обетованными для этой страны и для этой системы?

— Нет. Этот поселок для меня как капля, по которой можно судить о море. Когда я начинал делать фильм, думал, что он будет про нищих, грубо говоря, рассказ о дне общества. Но за год, пока мы снимали, так понизился уровень нашей жизни, что оказалось — фильм вроде бы про всех нас. Все мы жертвы этой системы. И поселок Закат коммунизма не только место действия, но и время действия.

— В фильме есть летающая тарелка, летающий паровоз, летающий человек, летающие собаки... Надо ли это понимать так: вы — противник реализма?

— Я хотел выйти за грань обычного реализма, показать фотографический снимок с действительности. И фильм скорее ближе к «Опере нищих» Брехта, нежели к горьковскому «На дне». Недаром актеры, играющие обездоленных и бедных людей, известны и популярны — В. Гафт, Л. Ахеджаков, О. Басилашвили, Н. Гундарева. Здесь не было попытки убедить зрителей в подлинности нищих. Скорее это была игра. Вообще, считаю, реализм обеднил нашу жизнь. Материализм загнал нас в художественные постулаты, которые имеют право на существование, но отнюдь не на

монополию. Мне хотелось пощупать, потрогать что-то новое, неизвестное. И если реализм можно сравнить с уксусом, то показанное нами — с уксусной эссенцией.

— Сказанное вами скорее относится к тому, что ХОЧЕТСЯ сделать, попробовать. А есть ли у вас рамки того, что НЕЛЬЗЯ делать, иными словами, существует ли у режиссера Рязанова внутренняя цензура?

— Есть вещи, которые находятся за гранью искусства. Например, танк наезжает на ребенка, и мне это показывают. Как мне кажется, это не принадлежит к разделу искусства, это скорее натурализм, и я понимаю, какие чувства будет испытывать зритель. Если показывают половой акт, то я знаю, какая будет реакция в зрительном зале, — к искусству это отношения не имеет. Поэтому моя внутренняя цензура заключается в том, чтобы не скатываться к такому натурализму, который я не люблю. Мне не нравится эпизод в фильме «Андрей Рублев», когда в глотку льют расплавленный свинец, выкалывают глаза или поджигают лошадь. Для меня это за пределами искусства. Это моя позиция, может быть, она старомодна, но я не навязываю ее никому.

— Довелось слышать, что каждый актер должен иметь своего режиссера. Согласны ли вы с этим и должен ли каждый режиссер иметь своих актеров?

— Думаю, что здесь нет правил. Есть актеры, которые могут замечательно работать без режиссера, есть, которые не могут работать самостоятельно, но это не

значит, что первые талантливей вторых, порой бывает наоборот. Есть режиссеры, которые снимают актера один раз и больше не снимают, и это довольно часто случается. Я, например, артистов, которые мне понравились, талантливы, умеют импровизировать, понимаю меня с полуслова, с которыми мне было приятно работать, очень люблю, и они остаются в моей команде. Ситуация же с «Небесами обетованными» была очень сложная. Поэтому я решил, что буду делать картину только с друзьями. Взаимовыручка, поддержка, взаимопонимание — это всегда неплохо, а в той ситуации, которая была в стране — хаоса, бардака, продажности всего, — артисты, которые тебя не продавали, и груп-

па, желавшая работать с тобой, — это было очень дорого. Прочный тыл и надежные соратники — это для любой картины хорошо. Когда в обществе все благоприятно, то можно пригласить артиста, в котором не уверен в человеческом плане, но который тебе нравится. Сейчас я приглашал только верных людей, в человеческих качествах которых я был уверен абсолютно и при этом не принося в жертву профессионализм.

— То есть вы не разочарованы ни в ком?

— Что вы, актеры замечательные. Они снимались в тяжелых условиях: октябрь—ноябрь, грязь, короткий световой день, помойка, один автобус, в котором мужчины и женщины переодевались, отсутствие возможности по-человечески поесть: держались на бутербродах и кофе.

И все это, когда массы кинематографистов рвались на Запад, к валюте, конкурсам красоты, биржам, банкам. А мы тут сидим в помойке и снимаем кино. Это было возможно только при мужестве, самоотверженности и любви к сценарию и ко мне. Никто не ворчал, не стонал, не жаловался, не рвал денег. Это были замечательное и трогательное единодушие, верность и дружба. Слава Богу, что есть еще вещи, которые не продаются.

— Сейчас зрителю не приходится выбирать фильм, потому что в основном идут коммерческие да американские картины довольно низкого уровня. Как вы относитесь к тому, что с экранов кинотеатров и телевизоров исчезли старые картины?

— Во-первых, раньше было немало как хороших картин, так и тех, про которые доброго слова не скажешь. Ну как сейчас можно смотреть фильм «Великий гражданин»? Фильм, который оправдывает и поощряет репрессии 1937 года? И чем талантливей он сделан, тем страшнее. Эрмлер — сам бывший чекист, и хочется думать, что снимал он фильм искренне. Фильмы же «Падение Берлина» или «Клятва» сейчас просто нельзя смотреть. Если же взять картины моего поколения, которое вошло в кино в 1956 году, среди них было немало очень хороших лент.

— Вас не огорчает, что они могут оказаться на полках?

— Некоторую тревогу это вызывает. Сейчас встречается среди кинокритиков порядочное число невежд, пытающихся судить о кинематографе, не зная ни его истории, ни контекста времени. Я недавно летел в самолете и разгадывал кроссворд в газете «Куранты», где прочитал: «Режиссер, известный своими пропагандными фильмами», 4 буквы. Я долго ломал голову и только по подбору букв понял, что имеется в виду Ромм. Михаил Ильич Ромм. Для нашего поколения он был эталоном чести и совести, а тот, кто написал это, — просто неуч. Ведь скольким молодым режиссерам помогли Ромм и Герасимов, скольких они защищали. То же можно сказать про Пырьева. Это поколение вводило нас, тогдашних дебютантов, в жизнь, в искусство, как отцы. Они заботились, выбивали нам квартиры, защищали наши картины от коммунистического ЦК, спасали от гибели. Козинцев, Хейфиц, Райзман... Они ввели нас в кино. Когда я слышу о своем учителе Эйзенштейне, что он был конъюнктурщиком, я понимаю, сколько безответственных болтунов и невежд появилось сейчас около кино.

— На истории с фильмом «Чонкин» поставлена точка?

— Да, точка поставлена. Права на экранизацию остались у англичан. Да и время-то ушло. Книжка замечательная, я ее люблю и очень сожалею, что постановка не удалась. Но я не смог ничего сделать: для меня важно, чтобы актер был с крестьянскими корнями, чтобы этот Чонкин мог накосить травы и подоить корову. А Михаил Барышников, которого мне навязывала фирма, — гениальный танцор, но довольно средний актер с явно некрестьянским лицом. Я отказался, хотя до начала съемок оставалась неделя и все было готово. Мы даже посадили гибрид томата с картофелем, который доморощенный селекционер Гладышев называл «путь к социализму», а сокращенно «ПУКС». Однако я проявил принципиальность, а фирма решила не рисковать, поскольку наших актеров они не знали и не были уверены, что вернут деньги, вложенные в производство.

— Фильм «Небеса обетованные» вышел на экраны. Что за жизнь у режиссера в промежутки между фильмами, есть ли свободное время?

— Ну что вы! Свободного времени нет совсем. Вот книжка вышла, другая печатается. Сейчас надо следить за картиной, чтобы она дошла до зрителя. Раньше это делалось автоматически, а сейчас нужно прилагать усилия, ездить на презентации, выступать и, самое главное — думать о том, что будешь делать завтра. Ну и конечно же очень заедает быт. Кефир, творог, мясо, молоко — ничего же нет! Жизнь дорогая, и я вообще не понимаю, как люди живут. Нигде же ничего не возьмешь или возьмешь за сумасшедшие деньги.

— Что дальше?

— Думаю о работе на телевидении. Сейчас очень много приглашений в различные программы. Раньше было ясно, что к Центральному телевидению меня не подпустят на пушечный выстрел, да я и сам не хотел с выбором определиться, но что-то делать буду. Определенно могу сказать только одно: к концу года моя программа появится на экране. Кроме этого, хочу написать новую повесть. Может, она и станет основой будущего фильма. Я привык делать современные картины. Да сейчас фильм на историческую или классическую тему вряд ли кого заинтересует. Сейчас важно делать картину о нашем современном, тревожном и окаянном времени. Оно очень быстро меняется, и художник должен отражать глубинные интересы, а не сиюминутные.

— Довольны ли вы собой?

— Как сказать. С одной стороны, ужасно, что моя жизнь пришлась на эпоху несвободы. У меня есть стихотворение, которое заканчивается строчками: «Как раз на жизнь свобода опоздала». Это горько, и это трагедия всего моего поколения. Но все же я доволен, что не врал, не подделывался. Я лет двадцать назад сказал: мне от них ничего не надо, лишь бы давали работать. Не надо званий, наград, ибо дело не в этом. Имя человеку дает народ, а награды — правительство. Правительство это я не уважаю, поэтому мне его награды не важны. Государственную премию СССР я за что получил? За «Ирению судьбы...». Государственную премию РСФСР? За «Служебный роман». Это фильмы, за которые мне не стыдно. Я стал народным артистом СССР, хотя никогда не хлопотал, не обивал пороги, как некоторые... По наградам надо судить не о человеке, а о правительстве. А оно очень часто награждало людей недостойных... Мне удалось, вообще-то чудом, сохранить самого себя в условиях несвободы. Конечно, что-то могло быть лучше, что-то хуже, ведь безошибочной жизни не бывает... Так что буду работать, я в какой-то мере работоголик. Есть такое выражение, что работа дураков любит. Так вот я принадлежу к этой категории человечества...

Беседу вел
Евгений Факторович.
Фото Бориса Кремера.

